

КОММУНИКАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ЛОКАЛЬНОГО И ГЛОБАЛЬНОГО: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Оводова С.Н.

***Аннотация.** Постановка проблемы создания коммуникативной модели локального и глобального требует обращения к традиции изучения системы отношений, связывающих коммуникацию и культуру. Даже простая перестановка понятий в попытке связать коммуникацию и культуру дает совершенно разные смыслы: коммуникативная культура и культура коммуникации не равны друг другу. В данной статье анализируется история возникновения концепта коммуникативная культура, связанного с творчеством американского кросс-культурного исследователя Э. Т. Холла – младшего. Считается, что работа Холла «Беззвучный язык» (*Silent language*)), вышедшая в 1959 году оказала влияние на концепцию М. Маклюэна. В культурологической, философской, социолингвистической рецепции Холл объект критики, его модель «высококонтекстной» и «низкоконтекстной» культурной коммуникации считается эмпирически неподтвержденной. Значит ли это, что от модели коммуникативной культуры следует отказаться? В настоящем исследовании обосновывается позиция, что модель Холла неприменима к распространенной в культурологии модели коммуникативного доминирования отдельной культуры. В случае, когда принципы коммуникации присущие отдельной культуре начинают претендовать на всеобщность, модель «высококонтекстной» и «низкоконтекстной» коммуникации работают на ее «разрыв». В случае, если мы подходим к культуре с позиций межкультурной полицентричной коммуникации, модель Холла начинает работать, определяя особенности коммуникации между разными культурами, что могут проходить на разных уровнях. Этот подход не следует отождествлять с мультикультурализмом, так как для постколониализма мультикультурализм продолжает Просвещение, предпосылая правила коммуникации ее субъектом, универсализируя локальные практики общения.*

В статье обосновывается положение, что коммуникативная модель локального и глобального позволяет уйти от заведомого упрощения отношения содержания одного понятия к другому, сосредоточиться на изучении процессов коммуникации, а не доминирования.

Ключевые слова: глобальное, локальное, культура, коммуникативная модель.

Целью статьи является рассмотрение принципов построения коммуникативной модели локального и глобального в культуре, выявление ключевых позиций во взаимодействии культур в процессе коммуникаций. Для достижения данной цели будут решены следующие задачи: изучение истории использования понятия коммуникативная культура, выявление возможностей и ограничений теории коммуникативной культуры в описании процессов межкультурного взаимодействия;

сформировать принципы построения модели коммуникации в культуре исходящие из специфики взаимодействия между культурами, а не специфики самих субъектов коммуникации.

Начиная с лингвистического поворота вопросы коммуникации в теории культуры являются одними из важнейших. Однако самое общее восприятие одной лишь идеи коммуникативной модели культуры вызывает парадокс – о чем она? Если следовать за исследователем, что ввел в культурологический дискурс понятие коммуникативная культура, Эдвардом Твичеллом Холл-младшим (Edward Twitchell Hall, Jr.), то мы будем говорить о двух типах коммуникации в культуре – высококонтекстном и низкоконтекстном, выделенных им в работе «Безмолвный язык» (Silent language) [1]. Коммуникация высококонтекстной культуры имеет собственную историю, контекст сообщения в ней имеет первостепенное значение, собственно вне контекста сообщение не может быть прочитано, оно нагружено памятью культурных смыслов, отсылает к предшествующим коммуникациям. В этом типе коммуникации гармония и благополучие группы предпочтительнее индивидуальных достижений. Низкоконтекстная коммуникация – явная, прямая, продуманная. Смысл сказанного – в том, что сказано и не определяется отношениями между говорящими. Альбом Ольги Лариной, полный рисунков, стихов и эпиграмм Владимира Ленского – пример высококонтекстной культуры, а актуальное объявление оставленное на интернет-сервисе – пример низкоконтекстной культуры. «Безмолвный язык» Холла образец свойственной теории и философии культуры практики описания культуры через бинарную оппозицию (дионисийское и апполоновское начало в культуре у Ф. Ницше, иранство и кушитство у А.С. Хомякова – из их числа). Зададимся вопросом, мог ли Владимир Ленский помимо тех стихотворений, что он оставлял в альбоме своей возлюбленной, сопровождая их рисунками как своеобразными ключами к тому, что им сказано, что не сказано, что могло быть сказано... писать объявления в уездные ведомости о пропаже крепостных крестьян или покупке дуэльного пистолета? Скорее всего, мог. Так два типа культуры становятся двумя типами коммуникации в одной культуре. Слабая рецепция работ Холла связана, на наш взгляд, с эмпирической непроработанностью его концепции. «[Эта] теория никогда не описывалась Холлом с какой-либо эмпирической строгостью, и ни одно известное исследование с использованием какого-либо инструмента или меры контекста не подтверждает ее», – писал Питер Кардон (Peter W. Cardon) [2, с. 422].

Прежде чем применять коммуникативную модель анализа к конкретному материалу, необходимо оговориться, о двух типах коммуникации в данной модели: модель доминирования отдельной культуры в коммуникации и модель межкультурной полицентричной коммуникации (заметим, «intercultural communication» в англоязычной литературе – это коммуникация не столько между культурами, сколько между социальными группами, чья идентичность формировалась под воздействием различных религиозных, социальных, этнических, образовательных контекстов).

При описании модели коммуникации, исходящей из транслирования норм отдельной культуры, первоочередным становится вопрос о правилах (принципах) этой глобальной коммуникации, устойчивость которой будет обеспечиваться апелляцией к

последним достоверностям, безусловному авторитету божественного откровения (теология), чистому свету разума (континентальная рационалистическая философия Просвещения) или исходить из законов человеческого опыта (англо-саксонский эмпиризм).

Если начинается осуществляться коммуникации между культурами, то на первый план выступает проблема переноса, «транслита» смыслов: правила могут быть масштабированы из установок одной из культур, опередившей остальных в борьбе за гегемонию (когда обоснование правил коммуникации в культуре становятся для неё самообоснованием), что происходит при доминировании одной культуры над другими, или носить конвенциональный (договорной) характер, что происходит в модели межкультурной полицентричной коммуникации.

Первый подход (модель доминирования отдельной культуры в коммуникации) одновременно просвещенческий по своей сути и колониальный по способу реализации. Все, что не соответствует правилам (природно-эмпирическим или механистическо-разумным) выносится за пределы культуры. Прежде чем стать просвещенческим, этот подход был теологическим. Восприятие коммуникации в культуре как разворачивание предпосланных ей религиозных законов характерно для средневековой, иерархически понимаемой системы мира. Теологическое объяснение мира, несмотря на объявленную ему Просвещением войну: «свет разума редко доходит до святош» [3, с. 559], как писал в свое время Гельвеций, не было исчерпано в эпоху торжествующего сциентизма, существуя в качестве не поддающейся научной колонизации альтернативной теоретико-методологической формы мышления. О. Павел Флоренский демонстрирует приверженность ей, рассуждая о кресте как о живом существе, предшествующем миру и силе связывающей человека с источником всего существующего: «Итак, Крест – живое существо, разумное, сознательное, духовное, способное слышать наши молитвы и отзываться на них. Ставимый между Честнейшею Херувим и Небесными силами бесплотными в прощении литии, в отпусе и т. д. <...> Он – зиждущая сила мира, «назnamenательная миру», хранитель мира, путеводитель мира, идея мира – София. И в целом, и в частях вселенная крестообразна, и крестообразность проникает вселенную во всех направлениях, во всех делениях, во всех смыслах» [4, с. 40]. Цельность крестообразного мира, есть предзаданная идея, которая транслируется в коммуникации, человек говорит с миром через преклонение кресту, что есть и разум и мир. Культура в такой модели определено целостна, выстроенные в ней коммуникативные связи устойчивы, связывая собой не только культурные пространства, но и обеспечивая коммуникацию прошлого, настоящего и будущего. Культура в такой модели так же и определено центрична, близость к центру, ядру культуры, определяет актуальность и полноту коммуникаций, постижимость ее элементов. Поэтому Платон и Плотин для А. Августина, несмотря на значительную временную удаленность друг от друга и от самого Августина, оживая друг в друге, более близки и понятны последнему, чем современные ему академики. По этой же причине европоцентризм в его просвещенческой форме ищет у Ш. Монтескье причины не доверять Востоку вследствие его удаленности, климатической, антропологической, культурной

инаковости. Монтескье создает один из первых концептов Востока, еще прямо не подчиняющий и дискриминирующий его по отношению к Западу, но уже отказывающий Востоку в возможности развиваться самостоятельно: «Если к этой нежности органов, благодаря которой народы Востока получают самые сильные в мире впечатления, вы присоедините некоторую леность ума, естественно, связанную с такою же леностью тела, что делает их неспособными ни к какому подвигу, ни к какому усилию, ни к какому самообладанию, вы поймете, почему душа их, раз восприняв те или иные впечатления, не может уже более изменить их. Вот отчего законы, нравы и обычаи, относящиеся даже к таким, по-видимому, безразличным вещам, как одежда, остаются и теперь на Востоке такими, какими они были тысячу лет тому назад» [5, с. 353-354]. Почему мы находим здесь принадлежность к коммуникативному концепту? Культура по Монтескье целостна, но становится разнообразна и пестра по мере удаления от рационально мыслящего центра, на окраине культуры располагается человеческое детство, ребячество и только Просвещение принесет проживающим там народам зрелость. В подобном духе рассуждали не только Монтескье, но и Гердер, Кант, Гегель. Последнее, что необходимо отметить, что культура в таком концепте *текстуальна*. Именно текст помещается в ядро культуры, понимаемой как целостность. Классический текст – иерархичен, древовиден, логичен и последователен. В разное время в ядре европейской культуры оказывались «Илиада», «Евангелия», «Encyclopédie» Д'Аламбера и Дидро, «Наука Логики», «Манифест Коммунистической партии», и, до недавнего времени «Конец истории и последний человек» Ф. Фукуямы. Исторические этапы данной коммуникативной концепции могут быть стабилизированы ареалами мировой торгово-экономической и культурной коммуникации *Pax Romana*, *Pax Mongolica*, *Pax Britannica*, *Pax Americana*, *Pax Sinica*. Эпоха *Pax Americana*, переживающая ныне свою мемориальную стадию, в своем культурном ядре имела упомянутый труд Ф. Фукуямы.

Вторая коммуникативная межкультурная полицентричная модель, в основание которой может быть положена идея коммуникации культур, отдельных локальностей. Именно эта коммуникативная модель культуры исключает господство и тотальность, это не зона конкуренции и борьбы за участие в дискурсе. Это иная система правил, иная философия. В данном ключе рассуждал и автор теории коммуникативного действия, Ю. Хабермас, отмечая: «По видимому, философское мышление, которое отказывается от позиции тотальности (*Totalitätsbezug*), теряет также и удовлетворенность собою» [6, с. 230]. Коммуникация культур также подразумевает независимые локальности. Точнее локальное как таковое, не отдельный вид глобального, не вариант его масштабирования, а самостоятельное локальное, согласующееся с латинским существительным «*lokus*» или место. То, что принадлежит месту – «*localis*» или местное. Локальное – то, что имеет место, что устойчиво, что поставлено. И в каком то смысле, противопоставлено другому локальному. Другое локальное – подразумевается при философском рассуждении о локальном, даже если рядом с ним ничего не поставлено. Исторически эта модель может быть зафиксирована в практике фиксации и сохранения культурных традиций – мультикультурализме. И хотя дискурсивная фиксация местных традиций происходит

в мультикультурализме в акцентуации их различий, сам факт признания множества культур делает пространство их коммуникации полилогичным. Подробный анализ мультикультурализма произведен как его сторонниками, так и противниками. Среди последних выделяется работа Джона М. Хедли «Проблема мультикультурализма: уникальность и универсальность западной цивилизации» (2012 г.) [7] в которой автор предполагает, что идея законности инакомыслия и культурного разнообразия является порождением западной цивилизации, распространение которой несет угрозу прежде всего самому Западу, утрачивающему представление о своей уникальности. В данном тезисе мы зафиксировали позицию малораспространенную, но нуждающуюся в проговаривании вследствие широкой рецепции альтернативной позиции постколониального подхода: западный вариант мультикультурализма еще один способ ведения экспансионистской политики, совокупность либеральных идей и практик. Для постколониального дискурса мультикультурализм по сути продолжает Просвещение предпосылая правила коммуникации ее субъектом, универсализируя локальные практики общения, надстраивая официальный, гражданский уровень коммуникации (для всех) над намеренно экзотизируемым национальным (для себя). Это и есть глобализм, но только в форме мультикультурализма.

В полной мере критика обеих коммуникативных моделей осуществляется в деколониальном подходе, где осуществляется радикальное размежевание с модерностью посредством создания эпистемологического плюрализма [8]. Деколониальная оптика проблематизирует позицию говорящего и контекст, исходя из которого производится высказывание [9], ибо глобальное понимается деколониалистами как то, что стирает многообразие и конструирует сплошное единое пространство модерна с универсальными ценностями. В прикладных исследованиях культуры применение данной теории предполагает акцентуацию разрыва между модерностью и Другими, ранее вытесняемыми на периферию модерна, актуализацию иных культурных практик вне оценки их с точки зрения нормы. В частности, пример реализации такого подхода в выявлении коммуникативных схем между культурами можно проследить в работе Анжелы Янсен, где она наглядно демонстрирует, как практики нормирования Другого тела конструируют представление о глобальной моде [10].

Таким образом, имеет место парадоксальная ситуация – выделение подходов к созданию коммуникативной модели культуры посредством обособления модели доминирования отдельной культуры в коммуникации от модели межкультурной полицентричной коммуникации дает результаты, позволяет подобрать теоретические источники и привести конкретные примеры, но не дает нам возможности провести различие. На уровне дискурса модель доминирования отдельной культуры в коммуникации и модель межкультурной полицентричной коммуникации проявляют черты универсализации, иерархизации, утраты субъектности акторами коммуникации. Поэтому, чтобы сформулировать принципы коммуникативной модели культуры нам придется вернуться к началу исследования, к эвристическим возможностям теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, для которого, в отличие от Холла, вопросы коммуникации не были центральными, его метазадача состояла в решении

проблемы рациональности. Именно по отношению к проблеме рациональности Хабермас противопоставляет друг другу две объяснительные модели, реализацию которых мы наблюдаем в *инструментальном распоряжении*, двигателе бюрократического воспроизводства, либо в практике *коммуникативного понимания*. Хабермас пишет: «Первая позиция, которую я для простоты называю «реалистической», исходит из онтологической предпосылки мира как случайности, чтобы на этой основе выяснить условия рационального поведения (а). Другая позиция, которую мы можем назвать «феноменологической», дает этой постановке вопроса трансцендентальное звучание и отражается в том обстоятельстве, что те, кто действует рационально, сами должны выступать как предпосылка объективного мира (б)» [6, с. 241]. В контексте данного высказывания и следует, осуществлять продуктивный поиск оснований коммуникативной модели культуры, что не будет вступать в противоречие с эмпирическими моделями. «Реалистическая» позиция фиксирует сциентистский, формализованный, прямой дискурс, в котором познающий или повелевающий субъект активен, противопоставленный ему объект пассивен и подчинен. «Феноменологическая» позиция обращена к опыту субъектов, что вынуждены договариваться пребывающих (имманентных) в нем объектах, включая их в свой жизненный мир. При этом «феноменологическая» позиция не равна антисциентизму, существуя наряду с «реалистической» позицией, она компенсирует отсутствие в той внутреннего оправдания, Противоречие «реалистической» и «феноменологической» позиции имеет логическую природу, в действительности они связаны отношениями, прояснить которые может, взятая в качестве частного случая коммуникативной модели культуры, коммуникативная модель глобального и локального. Почему? Во-первых, как мы пытались обосновать выше, коммуникативная модель культуры вряд ли может быть описана вне бинарных оппозиций, входящих в противоречие с эмпирическими моделями (опыт Холла достаточно показателен). Она лишь первая интенция, черновик, максимально общая рамка соединяющая коммуникацию и культуру. Во-вторых, глобальное и локальное это всегда определенная культура, культура не только в вопросе «что?», но и в вопросе «где?», имеющая пространственное измерение. Глобальное и локальное как понятия политического, социального, отчасти культурологического дискурса, рассматриваются через подчинение или противопоставление локального глобальному. Иные варианты, например, не замечать локальное или отрицать глобальное возможны как манифест, но не как исследовательская практика. В самом общем виде, коммуникативная модель локального и глобального (порядок в котором упоминаются понятия не принципиален) позволяет уйти от заведомого упрощения отношения содержания одного понятия к другому. Следует признать, что эти понятия связаны. Глобальное не возможно без локального, отрицание одной позиции в отношении ведет к отрицанию другой, их подчинение и противопоставление также сопровождается утратой смыслов, что не подлежат подчинению, что не могут быть противопоставлены. Коммуникативная модель глобального и локального, предполагая в качестве своей внешней рамки, что глобальное есть то, что ориентировано на всеобщность, на присутствие в пространстве, а не в конкретном месте, а локальное есть то местное, для

которого значима его уникальность, позволяет «феноменологически» принимая их независимость, сосредоточиться на изучении коммуникационных процессов. То, что глобальная коммуникация может быть ориентирована на поддержание самой себя и поэтому бессубъектна, что места-локальности могут иметь множество каналов взаимодействия, не выносимых на глобальный уровень, предполагает, что первое приближение к специфике коммуникации глобального и локального может быть произведено путем нахождения свойств, фиксирующих их специфику и неравенство (предположение, что глобальное = локальному, обнуляет оба понятия). В первую очередь таким свойством (группой связанных свойств) является интенсивность, насыщенность и плотность коммуникации. Его анализ показывает, что вторичность локального во взаимоотношениях с глобальным – устойчивое клише глобалистики.

Результаты проведенного исследования, можно обобщить в следующих положениях. Глобальная коммуникация, в терминологии Холла – *низкоконтекстна*, формализована, мы же предполагаем, что ее отличает и *низкая плотность*. Причина в ограниченности каналов коммуникации, формализации требований к ней, упрощенно – мы говорим о коммуникации во всем понятном формате. Выход на глобальный уровень коммуникации с локальным контентом возможен через его усечение до соответствия формату глобальной площадки. Даже научная коммуникация, несмотря на представление о единой, планетарной науке, не имеющей национальных границ, создается в рамках отдельных школ, выстраивающих сложную сеть отношений друг с другом.

Локальная коммуникация происходит в режиме *высокой контекстуальности* и *высокой плотности*, реализуясь через вербальные и невербальные каналы. Взгляд на локальное через систему «центр – провинция», как правило, отмечает снижение интенсивности жизни, ее затухание, умирание в провинции. Высокая плотность коммуникации, производимой множеством акторов, где говорящих столько же, сколько и воспринимающих, демонстрирует обратное: сфера коммуникативного действия происходящего в месте, а также исходящего из места (локуса) в место (локус) насыщена собственными смыслами, исследование которых способно преодолеть многие исследовательские клише, существующие как в глобалистике, так и теории и философии культуры.

Коммуникативная модель локального и глобального, способная уйти от заведомого упрощения отношения содержания одного понятия к другому, простого переноса свойств субъекта коммуникации на характер коммуникации, возможна. При ее построении мы предлагаем учитывать установленные свойства глобальной коммуникации: *высокая формализованность* при *низкой плотности* коммуникации и ее *низкой контекстуальности*, наряду с выявленными свойствами локальной коммуникации: *низкая формализованность* при *высокой плотности* коммуникации и ее *высокой контекстуальности*.

Список использованной литературы

1. Hall E.T. Silent language. Garden City, N.Y.: Doubleday, 1959. 240 р.

2. Cardon P.W. A Critique of Hall's Contexting Model // Journal of Business and Technical Communication. 2008. 22 (4). 399–428 p.
3. Гельвеций Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М.: Мысль, 1974. 687 с.
4. Флоренский П.А., священник. Собрание сочинений. Философия культа (Опыт православной антропологии). М.: Мысль, 2004. 685 с.
5. Монтескье Ш.Л. Избранные произведения М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. 803 с.
6. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия (фрагменты) // Вопросы социальной теории. 2007. Том I. Вып. 1. С. 229 – 245.
7. Headley J.M. The problem with multiculturalism: The uniqueness and universality of Western civilization. New Brunswick: Transaction Publishers, 2012. 122 p.
8. Тлостанова М.Д. Деколониальность бытия, знания и ощущения: сб. статей. Алматы: Центр Современной Культуры «Целинный», 2020. 192 с.
9. Деколониальность: настоящее и будущее. Сборник статей. М.: Горизонталь, 2022. 154 с.
10. Янсен А. Мода и фантазмагория современности: введение в деколониальный дискурс о моде // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. 2021. № 59. С. 9-34.

S. N. Ovodova

COMMUNICATIVE MODEL OF THE LOCAL AND GLOBAL: PROBLEM STATEMENT

Annotation: The formulation of the problem of creating a communicative model of the local and global requires an appeal to the tradition of studying the system of relations linking communication and culture. Even a simple rearrangement of concepts in an attempt to connect communication and culture gives completely different meanings: communicative culture and communication culture are not equal to each other. This article analyzes the history of the concept of communicative culture, associated with the work of the American cross-cultural researcher E. T. Hall Jr. It is believed that Hall's work "Silent Language", published in 1959, influenced the concept of M. McLuhan. In the cultural, philosophical, sociolinguistic reception, Hall is the object of criticism, his model of "high-context" and "low-context" cultural communication is considered empirically unconfirmed. Does this mean that the model of communicative culture should be abandoned? The present study substantiates the position that the Hall model is inapplicable to the model of communicative dominance of a particular culture common in cultural studies. In the case when the principles of communication inherent in a particular culture begin to claim universality, the model of "high-context" and "low-context" communication works to "break" it. If we approach the culture from the standpoint of intercultural polycentric communication, the Hall model begins to work, defining the features of communication between different cultures, which can take place at different levels. This approach should not be identified with multiculturalism, since for postcolonialism multiculturalism continues the Enlightenment,

prescribing the rules of communication by its subject, universalizing local practices of communication.

Key words: global, local, culture, communicative model

References

1. Hall E.T. Silent language. Garden City, N.Y.: Doubleday, 1959. 240 p.
2. Cardon P. W.A Critique of Hall's Contexting Model // Journal of Business and Technical Communication. 2008. 22 (4). 399–428 p.
3. Gel'vecij Sochineniya v 2-h tomah [Works in 2 volumes]. Vol. 2. Moscow: Mysl', 1974. 687 p.
4. Florenskij P.A., svyashchennik. Sobranie sochinenij. Filosofiya kul'ta (Opyt pravoslavnoj antropodicej) [Collected works. Philosophy of the cult (Experience of Orthodox anthropology)]. Moscow: Mysl', 2004. 685 p.
5. Montes'k'e SH.L. Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1955. 803 p.
6. Habermas YU. Teoriya kommunikativnogo dejstviya (fragmenty) [Theory of communicative action (fragments)] // Voprosy social'noj teorii. 2007. Vol. I. № 1. Pp. 229 – 245.
7. Headley J.M. The problem with multiculturalism: The uniqueness and universality of Western civilization. New Brunswick: Transaction Publishers, 2012. 122 p.
8. Tlostanova M.D. Dekolonial'nost' bytiya, znaniya i oshchushcheniya: sbornik statej. [Decoloniality of being, knowledge and sensations: a collection of articles]. Almaty: Centr Sovremennoj Kul'tury «Celinnyj», 2020. 192 p.
9. Dekolonial'nost': nastoyashchee i budushchee. Sbornik statej [Decoloniality: present and future. Digest of articles]. Moscow: Gorizonta', 2022. 154 p.
10. Yansen A. Moda i fantasmagoriya sovremennosti: vvedenie v dekolonial'nyj diskurs o mode [Fashion and the phantasmagoria of modernity: an introduction to the decolonial discourse on fashion] // Teoriya mody. Odezhda. Telo. Kul'tura. 2021. № 59. Pp. 9-34.

Сведения об авторах

Оводова Светлана Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры теологии, философии и культурологии факультета теологии, философии и мировых культур, заведующая научно-исследовательской лабораторией социальных и институциональных исследований Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, доцент
E-mail: snovodova@mail.ru

Svetlana N. Ovodova – Candidate of Philosophical Sciences, Assistant professor, Head of the research Laboratory for Social and institutional research, Omsk State University n.a. F.M. Dostoevsky
E-mail: snovodova@mail.ru